

*К.С. Губа, А.В. Семенов*

**В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ИЛИ В ЦЕНТРАХ ВНИМАНИЯ?  
АНАЛИЗ СИСТЕМЫ АВТОРИТЕТОВ ЛОКАЛЬНОГО  
АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА\***

*Статья посвящена статусной системе сообщества петербургских социологов. На основании данных о цитировании сопоставляются списки самых влиятельных фигур, как для всего сообщества, так и для его отдельных частей. Анализ четырех разных списков самых цитируемых социологов показал отсутствие единой иерархии признания, когда обособленные фрагменты создают свои собственные значимые фигуры. В случае петербургской социологии лишь немногим авторам удается с легкостью переходить из одной части сообщества в другую, что делало бы их центральными фигурами для всего сообщества. В итоге, если что-то и позволяет говорить о «сообществе» в единственном числе, то это наличие интеллектуальных источников «Северной» части, которая создает общий фокус внимания.*

**Ключевые слова:** *российская социология, анализ цитирования, наукометрия, академическое сообщество, социология науки.*

**Keywords:** *Russian sociology, scientometrics, sociology of science, citation analysis.*

Предыдущие статьи, отражающие результаты нашего проекта, должны были подвести читателя к вопросу: можем ли мы говорить о «петер-

---

\* Исследование проведено при поддержке Центра фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ в рамках проекта «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года».

бургской социологии» или «локальном академическом сообществе» в единственном числе? Мы видели, что социальные сети Вест-Энда, Норд-Энда и Ист-Энда в последние десятилетия близки к полной герметичности, что они, по всей видимости, рекрутируют своих новых членов из разных социальных сред, что они различаются и по своей экономической базе, и по ориентации на корпус советской/интернациональной литературы. Существует ли на фоне всего этого многообразия хотя бы минимальный консенсус по поводу наиболее значимых фигур из числа представителей самого сообщества? И если консенсуса нет, то на какие сегменты делит сообщество распределение профессионального признания? Если, несмотря на все различия, мы обнаружим, что наибольшим признанием во всех «естественных зонах» пользуются одни и те же фигуры, мы сможем заключить, что сообщество консолидировано единой системой профессионального авторитета. Если никакого единства в оценках заслуг не обнаружится, и каждая зона будет обладать собственными признанными лидерами, не имеющими никакого авторитета в глазах представителей других зон, то мы должны будем сделать пессимистичный вывод: петербургских социологов вряд ли хоть что-то объединяет. Чтобы ответить на этот вопрос, мы сопоставили четыре разных списка самых цитируемых социологов: для всего сообщества в целом и для каждого из его концов — Норд-Энда, Ист-Энда, Вест-Энда — по отдельности\*. В сопоставлении разных фрагментов удачным решением

---

\* Основанием для анализа послужили журнальные статьи тех людей, которые были включены в нашу выборку. Местом локализации статей стали петербургские социологические журналы — «Журнал социологии и социальной антропологии», «Телескоп», «Вестник Санкт-Петербургского университета: социологическая серия», а также центральный для дисциплины журнал — «Социологические исследования», где предполагалось найти некоторую долю текстов петербургских социологов. Выбор в своем большинстве петербургских журналов основывался на важной особенности российской журнальной системы, которая характеризуется высокой долей географической и институциональной укорененности (Губа 2009). Временные рамки исследования ограничились периодом с 1996 по 2009 гг. Принадлежность к одной из частей сообщества — Ист-, Норд- и Вест-Энду — определялась по институциональным аффилиациям в соответствии со списком, приведенным в статье М. Сафоновой. Это методическое решение позволило локализовать некоторых индивидов, отсутствующих на сетевых картах. Обратной стороной последовательного применения этой политики было появление нескольких неидентифицированных индивидов, которые обладали аффилиацией с организациями, относящимися к разным зонам. Далее они обозначаются категорией MISC. При анализе данных использовался специальный пакет для анализа социальных сетей — ORA (<http://www.casos.cs.cmu.edu/projects/ora/>).

стала визуализация сетей цитирования для каждой части сообщества, что позволяет установить, существуют ли в одной зоне влиятельные фигуры, невидимые в других.

### **Методологическое введение**

Здесь стоит остановиться на кардинальном методическом решении, задавшем ход всей остальной работы: признание исследовалось на основании данных о цитировании. Как обнаружит читатель, мы совершаем быстрый, практически невидимый переход от списка самых цитируемых социологов к списку самых влиятельных фигур. В целом это является общим местом для области citation analysis, где за практикой цитирования всегда подразумевается присутствие чего-то еще. Неопределенность в отношении этого чего-то обусловлена приватностью самого акта цитирования, который скрывает решения автора, прежде чем ссылки появляются в тексте. В дальнейшем все эти решения доступны всем желающим, тем самым цитирование приобретает свое публичное лицо (Cronin 1998: 16). Двойственность акта цитирования схвачена в несколько странной метафоре пустого стадиона, где можно найти множество следов недавнего присутствия людей, выпивших свою колу и съевших свой гамбургер, однако что происходило прежде, чем стадион опустел, нам неизвестно (Cozzens 1989). В том числе и это позволяет социологам сделать цитирование предметом для социологического объяснения, хотя на первый взгляд ссылки указывают лишь на когнитивную траекторию в виде концептуальной связки аргументов и соответствующих им текстов.

Социологические объяснения цитирования породили так называемый нормативно-конструктивистский спор (Baldi 1998). Для первых практика цитирования в большей степени является разновидностью социального механизма, который помогает справляться с проблемами интеллектуальной собственности. Открыто пользоваться научным знанием мы можем, соблюдая одно важное условие: одновременно необходимо воздавать должное ученому, который тем самым получает свою долю внимания, признания и уважения (Мертон 1993; Merton 1973a). Конструктивистская сторона спора исходит из того, что наука — это специфическая практика убеждения в правоте своих аргументов, когда на страницах публикаций разыгрываются риторические битвы, где противники не брезгают брать в заложники ссылки на авторов и их концепты (Latour 1997; Gilbert 1977; Luukkonen 1997). Как кажется, сложность выяснения мотивов авторов непосредственно во время написания текста все еще позволяет каждой из сторон настаивать на своем. Консенсусом стало решение прекратить рассматривать цитирование как нечто

однозначное: в действительности автор всегда *одновременно* совершает несколько разных вещей (Leydesdorff 1998). Мы не цитируем только лишь для того, чтобы выказать свое уважение автору, ведь никто не обладает возможностью абсолютно свободно вставлять в текст ничего не значащие идеи\* или цитаты — последние в итоге должны оказаться связанными в одну логику аргументации. В итоге ответить одним определенным образом на то, что конкретно измеряет подсчет цитирования — качество, важность, влияние, полезность или видимость — фактически невозможно (Cozzens 1989: 437). Отсутствие консенсуса вокруг социологической теории цитирования схватывается в многообразии метафор, разный смысл которых подчеркивает его неоднозначный характер. Б. Кронин собрал несколько самых ярких образцов: Беккер говорит о цитировании в терминах взимания налогов с многоразового знания, Кронин использует образ застывших следов в ландшафте научных достижений, Хагстром рассматривает цитирование как акт дарения, где в обмен на информацию ученые получают социальное признание (Cronin 1998: 48–49). Самая циничная версия сравнивает цитирование со сделкой, а сами ссылки называют специфическим видом академической валюты (Franck 1999). Наконец, цитирование концептуализируется как голосование, где каждый автор имеет право высказать свой «голос» — процитировать самые важные тексты (Соколов 2009: 145).

Попытка найти консенсус в виде многоуровневой теории цитирования непосредственно в исследовательской практике не предлагает убедительных способов анализа цитирования (Luukkonen 1997: 33). И, несмотря на то, что за следованием одной определенной перспективе видят мало смысла (Cronin 1998: 46), исследователи в своем большинстве, так или иначе, выбирают один из способов концептуализации цитирования\*\*. Выбор этот касается аналитического решения, что становится прерогативой самих исследователей, тогда как в самом акте цитирования развести механизмы вознаграждения и риторики невозможно. Данное исследование не станет исключением, и в классификации уровней citation analysis будет относиться скорее к системе награждения, риторики-

---

\* За исключением постмодернистских текстов или а la постмодернистских вроде аферы А. Сокола.

\*\* Исключения здесь действительно редки, в качестве самого интересного стоит упомянуть работу, в которой авторы совершили двойное исследование. Первое состояло из обычной процедуры анализа цитирования дисциплинарной области социологии научного знания, а второе в качестве своего источника использовало первое в виде своего рода деконструкции собственных исследовательских решений (Hicks, Potter 1991).

ческий же уровень, в некоторой степени отражающий когнитивное содержание, останется здесь за скобками.

Поиск влиятельных фигур через цитирование отсылает к основным пунктам мертонианской социологии науки, отправной точкой которой можно считать тезис о значимости оригинального знания для развития науки (Merton 1973b). В первую очередь именно академическое сообщество наделено правом решения, какое значение имело знание, отмечая его автора различными отличительными знаками почестей и уважения. Подтверждая значимость текстов как главных результатов научной деятельности, ученые оставляют ссылки как «следы» того, что они использовали чужие идеи, концепты, факты в своем собственном исследовании. Вся совокупность ссылок будет указывать на ту долю внимания, которую получила статья или автор, оказавшись необходимым элементом последующих рассуждений ученых. В конечном счете мы имеем авторов и публикации, которые оказались видимыми для большого количества коллег, а по другую сторону границы находятся тексты, которые не получили ни одной ссылки за время их «карьеры». В самом простом виде так выглядит стратификация между текстами и авторами.

### **В центре внимания сообщества**

Полученная нами реконструкция сети цитирования петербургских социологов стала во многом результатом поставленных исследовательских вопросов: она оказалась одновременно разреженной и организованной вокруг небольшого количества центральных узлов. Задумав собрать цитирование для сравнительно большого академического сообщества, мы едва ли могли ожидать, что найдем плотную сеть, узлы которой были бы связаны друг с другом. Обычно сети такого рода образуют плотные группы, работающие над совместными проектами, здесь же в фокус внимания попали цитатные потоки всей петербургской социологии. В то же время мы предполагали, что относительная изолированность сообщества и неизбежная в таком случае концентрация неформальных научных контактов в территориальных пределах города приведут к значимой концентрации ссылок на петербургских коллег\*. Это предположение оказалось не совсем верным: плотность сети показывает низкий показа-

---

\* Доля тех, кто сообщил в ответ на вопрос анкеты, что за последние 5 лет посещал научные мероприятия в Москве в среднем раз в год или чаще, составила 39 %. Для научных мероприятий в других городах России эта цифра составила 23 %, для стран СНГ — 9 %, для «дальнего зарубежья» — 29 %. Более половины опрошенных (52 %) покидают Петербург в академических целях реже раза в год.

тель (0,0077)\*. Одновременно с высокой разреженностью характер стратификации цитатной сети не проявляется заметным образом, что позволяет сделать вывод о роли центральных акторов для организации всей сети (значение параметра централизации графа равно 0,1582). Список центральных акторов фактически является short-list самых цитируемых авторов для всего сообщества петербургских социологов (см. табл. 1). Какие зоны сообщества населяют эти социологи и, главное, каким образом им удалось занять первые позиции в этом списке?

Таблица 1

**Список самых цитируемых социологов:  
in degree centrality (количество ссылок)\*\***

Ранг	Автор	Кол-во ссылок
1	Н. Л. Русинова	47
2	Я. И. Гишинский	44
3	Л. Е. Кесельман	34
4	И. А. Голосенко	31
5	М. Г. Мацкевич	29
6	В. Б. Голофаст	27
7	В. Е. Семенов	26
8	А.Н. Алексеев	25
9	А.О. Бороноев	24
10	В. Я. Ельмеев	23
11	В.В. Волков, Б.З. Докторов	21
12	Л.В. Панова	19
13	С.И. Григорьев	18
14	В.М. Воронков, А.В. Дука, Е.А. Здравомыслова, В.И. Ильин, В.Т. Лисовский, П. И. Смирнов, Н.В. Соколов	16
15	А. А. Кулясова, К. Муздыбаев, В.В. Сафронов	15

\* В выборку за 1996–2009 гг. попало 1075 случаев публикаций, однако только в 496 появились ссылки на петербургских авторов. Пояснение относительно этого и некоторых других использованных сетевых показателей читатель может найти в статье М. Сафоновой в этом же номере.

\*\* Центральность каждого участника сети может подсчитываться двумя разными способами (Scott 1999), которые дают несколько отличные результаты. В нашем случае мы можем учитывать не просто наличие связи, но и ее «вес», т. е. количество цитирований, которое поступило от авторов сети, тогда центральность будет определяться как сумма взвешенных связей. Если в первом случае окажется важным количество людей, цитирующих того или социолога, то в последнем случае решающее значение могут сыграть и один-два социолога.

Семь из десяти центральных позиций занимают социологи, обитающие в «северной» зоне, что соответствует Социологическому институту РАН. Нижняя часть списка отдана в первую очередь авторам «восточного» мира университетской социологии (8 человек). На долю «западных» социологов пришлось всего три позиции ниже 10 строчки. Эти результаты частично объясняются самим характером данных, когда в выборку статей попало 11 % «западных», 23 % «северных» и 42 % «восточных» публикаций. Как мы видим здесь, совместных усилий заметного количества текстов социологов Ист-Энда не хватило, чтобы ключевые позиции в конечном списке заняли фамилии преподавателей университетских кафедр.

Индекс цитирования является одним из немногих статусных показателей, который создается вкладом множества авторов через их обычную практику цитирования оригинальных источников. Если бы мы пожелали использовать полученный список как указание на самых известных или признанных членов сообщества, то нам следовало бы обратить внимание на количество человек, которые участвуют в производстве этой известности. В этом смысле, чем больше людей будет участвовать через цитирование в создании репутации и интеллектуального авторитета социолога, тем больше можно надеяться на то, что количество цитирований отражает положение ученого в сообществе. Следующий список (табл. 2) позволяет учесть не количество «голосов», которые так или иначе собрали самые цитируемые социологи, а количество авторов, которые приняли участие в «голосовании».

Таблица 2

**Список самых цитируемых социологов:  
in degree centrality (количество сославшихся)**

Ранг	Автор	Кол-во авторов
1	Я.И. Гишинский., И.А. Голосенко	16
2	В.Я. Ельмеев, В.И. Ильин	14
3	В.В. Волков, В.М. Воронков	13
4	А.Н. Алексеев, А.О. Бороноев, В.Б. Голофаст	12
5	Б.З. Докторов, Е.А. Здравомыслова	11
6	А.В. Дука, В.Т. Лисовский	10
7	К. Муздыбаев., Т.З. Протасенко	9
8	И.Н. Гурвич, Н.В. Соколов	8
9	И.А. Громов, В.В. Козловский, М.М. Русакова, В.Е. Семенов, З.В. Сикевич, А.В. Тихонов	7
10	Н.А. Головин, М.Е. Илле, Л.Е. Кесельман, А.А. Козлов, М.Г. Мацкевич, М.Н. Межевич, А.М. Осипов, Н.Л. Русинова, Г.И. Саганенко	6

Short-list основан на центральности авторов через подсчитывание количества входящих связей, без учета их веса. В этом случае, если высокая доля ссылок обеспечивалась одним или двумя социологами, то автор из верхних позиций предыдущего списка переместится на его нижние строчки, что мы и наблюдаем при сравнении двух таблиц. Центральные авторы из первой таблицы — Н.Л. Русинова, Л.Е. Кесельман, М.Г. Мацкевич — сдвигаются из первой пятерки на последнее место: в их цитировании участвовало не больше 6 человек. Соответственно, вверх перемещаются те имена, которые прежде находились в нижней половине списка. Эти перемещения отражают характер цитирования некоторых центральных для первого списка авторов, за которыми стоят в основном несколько ближайших к автору «вкладчиков». В итоге выигрышное положение занимают тандемы авторов, публикующие тексты в соавторстве, что значительно облегчает способ попадания в список самых цитируемых авторов — пример: Мацкевич-Кесельман и Кулясовы. За цитированием Н.Л. Русиновой также стоят соавторы, чья доля в общем пуле ссылок достигает 80 % (та же картина и в случаях других ее соавторов — Л.В. Пановой и В.В. Сафронова). В остальном же, хотя и появилось нескольких новых имен, преимущественно в нижней части short-list, мы наблюдаем доминирование социологов «северной» и «восточной» частей сообщества, за исключением трех фигур с «запада», занявших более высокие строчки (В.В. Волков, Е.А. Здравомыслова, В.М. Воронков).

Второй список, несмотря на куда меньшие показатели, как кажется, лучше соответствует конвенциональной истории ленинградской/петербургской социологии. Основные фигуры Норд-Энда и Ист-Энда, занявшие верхние строчки списка, принадлежат к старшим возрастным когортам. Они олицетворяют поколение, создававшее ленинградскую социологию. Советское прошлое отсчитывается с организационного пространства НИИКСИ на базе Ленинградского университета, откуда позднее образуются сектора ИКСИ АН СССР. В свою очередь, именно СИ РАН послужил источником формирования новых социологических организаций в начале-середине девяностых, чуть раньше ЦНСИ и позднее — факультет политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге\*. Вероятно, отделившись, новые колонии частично перенесли и интеллектуальные авторитеты сети-метрополии в новое организационное поле, одновременно колонизаторы сами смогли занять несколько строчек в списке самых цитируемых со-

---

\* Здесь и далее в исторических экскурсах оказалась незаменимой статья М. Сафроновой в этом номере о сетевых образованиях петербургского сообщества.



циологов (В.М. Воронков и Е.А. Здравомыслова). В свою очередь, представители университетской социологии, обозначенной нами как Ист-Энд, в прошлом участвовали в создании или руководстве НИИКСИ (В.Я. Ельмеев, А.О. Бороноев, В.Т. Лисовский).

В конечном итоге, система авторитетов в ее недифференцированном виде для всего сообщества показывает, что Социологический институт (ИСЭП в советском прошлом) не только занимал ключевую позицию в становлении ленинградской социологии, но и стал своего рода интеллектуальным источником, заполнив своими сотрудниками верхние строчки списка самых цитируемых социологов. «Восточная» часть сообщества, при своем значительном количественном вкладе в общий пул цитирований, привнесла имена лишь нескольких социологов старшего поколения. Новых имен, которых не было бы в этом списке двадцать лет назад, появилось немного и только среди представителей новых организаций, занявших «западную» часть сообщества.

В действительности мы скорее должны говорить о воспроизводстве авторитетов внутри каждой из сторон. В большей или меньшей степени усилия Вест-Энда, Ист-Энда или Норд-Энда отражают направленность цитатного внимания на центральные фигуры своего собственного профессионального круга. В этом смысле не стоит говорить о наличии консенсуса по поводу наиболее значимых фигур. Это отражает простая матрица, соотносящая часть сообщества, откуда поступают ссылки, и часть сообщества, куда они уходят (табл. 3). Здесь мы агрегировали данные из табл. 1, соотнеся там, где это было возможно, место обитания центральных фигур на нашей карте. Одновременно мы, ограничившись только данными для 25 самых цитируемых социологов, можем увидеть, как разные части сообщества участвуют в цитировании своих соседей.

Более половины ссылок на авторов Вест-, Норд- и Ист-Энда происходят из той же самой части сообщества (доля варьируется от 51 % в случае Вест-Энда до 75 % в случае Ист-Энда). Аналогично, более половины цитирований в статьях авторов из Норд- и Ист-Энда делается на других обитателей той же зоны, причем для Норд-Энда эта цифра составляет 83 % (для Ист-Энда — 63%). Отклонением от общего паттерна предстает только Вест-Энд, в котором внутреннее цитирование составляет всего 44 % — столько же, сколько отдается Норд-Энду. Первые впечатления, которые создаются этими распределениями, таковы: крайние зоны (Ист- и Вест-) практически невидимы друг для друга и объединяет их только почтение, которое принадлежащие к ним авторы демонстрируют по отношению к ученым из Норд-Энда. Последние принимают его как должное, со спокойным ощущением своего превосходства: все, что делается в других зонах сообщества, они склонны полностью игнориро-

**Распределение ссылок 25 самых цитируемых авторов по частям сообщества, из которых те поступили\***

	Вест-Энд	Норд-Энд	Ист-Энд	MISC	Получили (сумма)
Вест-Энд	35	14	7	12	68
Норд-Энд	33	191	24	23	271
Ист-Энд	8	21	117	22	168
MISC	3	17	9	10	39
Отдали (сумма)	79	243	157	67	546

вать. Изучая этот паттерн, науковед заключил бы, что Норд-Энд является частью сообщества, в которой сосредоточены признанные фигуры, Вест-Энд производит впечатление наиболее открытой зоны — его представители с наибольшей готовностью цитируют работы не своей части сообщества, а Ист-Энд — наименее престижной в глазах других, вынужденной довольствоваться только «домашним» цитированием. Далее мы рассмотрим части сообщества более внимательно.

### **В центрах внимания: к «западу» сообщества**

Главным препятствием при анализе отдельных зон становятся небольшие объемы внимания. Даже в случае центральных авторов совокупное цитирование позволяет говорить об известности или признанности лишь с большой долей осторожности. Как видно из визуализации сети «западной» части сообщества на рис. 1, граф распадается на несколько субсетевых образований, одно из которых является основным и занимает центральное место в сети. В общем, сеть цитирований носит гомогенный характер, куда не так часто попадают «чужаки» — социологи из прилежащих частей сообщества. Цитатную гомогенность здесь мы понимаем как направленность внимания, прежде всего, на социологов, близких по месту обитания. Логическим продолжением сетевой и ин-

\* Таблицу следует читать следующим образом: по строкам располагаются зоны сообщества, которые населяют 25 самых цитируемых авторов из табл. 1, по столбцам — те части, из которых поступили ссылки на этих авторов. Так, например, попавшие в основной список социологи Вест-Энда (В.В. Волков, Е.А. Здравомыслова, А.А. Кулясова и В.М. Воронков) в совокупности получили 68 ссылок от всего сообщества, из них 35 поступило из собственной части сообщества, 14 из Норд-Энда, еще 7 из Ист-Энда и 12 от тех социологов, принадлежность которых осталась неопределенной.

ституциональной укорененности внимания должна была бы стать плотная сеть, узлы которой были бы связаны друг с другом. В противоположность мы нашли сильно разреженную сеть, характеристики которой не указывают на организацию *вокруг* центральных узлов/авторов. Даже самые цитируемые авторы набирают не больше 15 ссылок.

Стать центральным актором, как кажется, здесь возможно в двух случаях. Для первого варианта ключевыми становятся «цитатные картели» — группы интенсивно ссылающихся друг на друга авторов, которые позволяют их центральным фигурам занять верхние строчки в списке самых цитируемых социологов. Во втором случае социологи цитируются за пределами одной определенной группы в силу более широкой известности их работ. Различия между показателями цитирования разного происхождения заметны при сравнении двух списков, первый из них создан на основании журнальных статей социологов Вест-Энда, а второй — на основании сборников (табл. 4)\*. Первый список указывает на группу экологических социологов, занимающихся развитием социологии транснациональных процессов, а также сравнительным анализом экологической проблематики (А.А. Кулясова, И.П. Кулясов, С.С. Пчелкина, М.С. Тысячнюк — в основном сотрудники ЦНСИ). Второй список в своем большинстве состоит из руководителей и бывших участников гендерной программы Европейского университета. Даже появление здесь социологов из Норд-Энда — С.И. Голода и Н.Л. Русиновой — говорит в первую очередь об активности гендерной группы\*\*.

В то же время существует другая возможность получить некоторую долю внимания, не становясь участником или центральной фигурой для одной связанной группы авторов. За цитатным авторитетом В.М. Воронкова или В.В. Волкова стоит более разнообразный круг авторов, хотя в основном цитирующие их авторы обитают в той же части сообщества. Здесь интересны два момента. Во-первых, если предполагать связь организационного положения и цитатного внимания (Wellman, White, Nazer

---

\* Анализ публикационной активности ЦНСИ свидетельствует о том, что его сотрудники и сотрудницы чаще всего выбирают для своих публикаций петербургские (собственно ЦНСИ или дружественного Европейского университета в СПб) или зарубежные сборники и лишь в последнюю очередь — российские журналы.

\*\* Оба списка отражают одно из исследовательских решений, связанных с соавторством, когда цитирование в такой статье учитывалось дважды. Если в статье, написанной А и В совместно, присутствует ссылка на их же прошлую статью, то на схеме появляются сразу четыре стрелки — от А к А, от В к В, от А к В и от В к А. В итоге, первые строчки занимают авторы, давно пишущие свои тексты вместе.

## Список самых цитируемых социологов Вест-Энда

## (1) Статьи в журналах

Ранг	Автор	Кол-во ссылок
1	А.А. Кулясова	15
2	И.П. Кулясов, С.С. Пчелкина, О.В. Карпенко	13
3	<b>Н.Л. Русинова</b>	12
4	В.М. Воронков	10
5	В.В. Волков	9
6	Е.А. Здравомыслова, М.С. Тысячнюк	8
7	О.Н. Бредникова	7
8	<b>М.А. Ильина</b>	6
9	<b>А.В. Баранов, В.Б. Голофаст, Н.В. Соколов, А.А. Темкина</b>	5
10	<b>Я.И. Гилинский, И.Н. Гурвич, С.А. Кугель, К. Муздыбаев, А.М. Осипов, М.М. Соколов</b>	4

## (2) Статьи в сборниках

Ранг	Автор	Кол-во ссылок
1	Е.А. Здравомыслова	44
2	А.А. Темкина	41
3	С.А. Чуйкина	15
4	<b>С.И. Голод</b>	14
5	В.В. Волков	12
6	Е.Ю. Герасимова.	10
7	<b>Н.Л. Русинова</b>	9
8	О.В. Хархордин	8
9	Ж.В. Чернова	7
10	<b>Т.Б. Щепанская</b>	4

2004), цитатные связи В.М. Воронкова должны характеризоваться интенсивностью, как со стороны «входящих», так и со стороны «исходящих» ссылок. Первое бы отражало цитирование автора, олицетворяющего отдельный исследовательский институт, известный своей приверженностью качественным методам исследования. Второе стало бы результатом усилий по созданию впечатления связанной работы большой группы социологов, работающих в одном направлении. Однако здесь оба предположения оказались не совсем оправданными (центральность В.М. Воронкова незначительна). Второй момент связан с фигурой В.В. Волкова. Начало его исследовательской карьеры не было

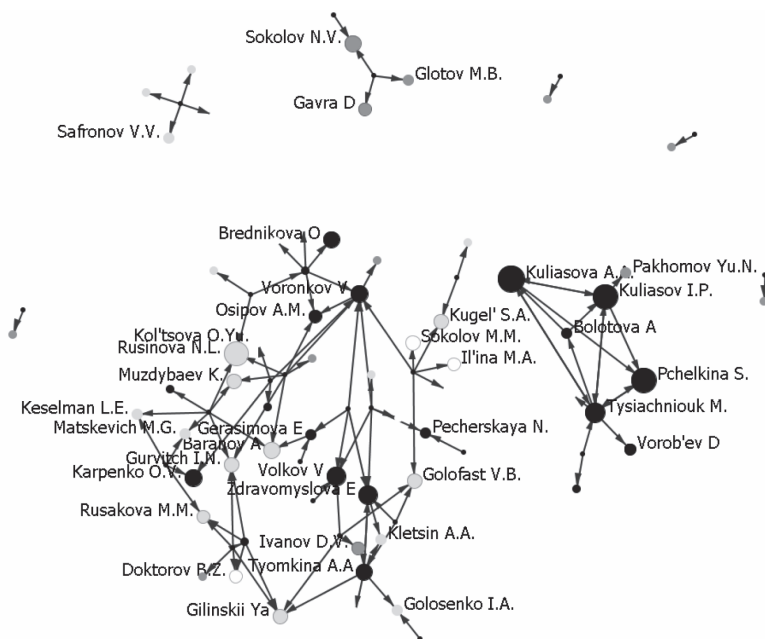


Рис. 1. Сеть цитирования социологов Вест-Энда\*

связано ни с одной из старых сетей петербургских социологов, однако сейчас его цитируют в других частях сообщества так же часто, как социологи ЦНСИ или Европейского университета (большей частью авторы СИ РАН). Последнее является практически единственным исключением: даже самым известным фигурам Вест-Энда уделяют сравнительно небольшое внимание за его пределами.

В свою очередь, круг внимания «западных авторов» показывает, что цитатные связи концентрируются на фигурах Норд-Энда\*\*. При всей

\* Здесь и далее на диаграмме не отображены изолированные узлы. Акторы, отмеченные темным цветом, принадлежат к данной части сообщества, более светлые являются «чужаками». Размер каждого узла пропорционален его центральности.

\*\* Список упомянутых социологов, которые обитали за пределами Вест-Энда. Социологи Ист-Энда: В.И. Ильин (1), Ю.В. Веселов (1), Н.В. Соколов (5), Д.П. Гавра (3), М.Б. Глотов (2), В.Д. Плахов (1), О.Д. Мулява (1), Д.В. Иванов (3), С.С. Ярошенко (1), Г.А. Меньшикова (1), М.В. Рубцова (1), Ю.Н. Пахомов (2). Социологи Норд-Энда: О.Н. Бурмыкина (2), В.В. Сафронов (2), Н.А. Нечаева (1), Л.В. Панова (1), Н.Л. Русинова (12), К. Муздыбаев (2), А.Н. Баранов (5), М.Г. Мацкевич (2), Л.Е. Кесельман (2), И.Н. Гурвич (3), М.М. Русакова (2), Я.И. Гилинский (4), А.А. Клецин (2), Н.Р. Корнев (1), В.Б. Голофаст (2), И.А. Голосенко (2), М.Е. Илле (1), Е. Евдокимова (1).

многочисленности «восточной» части сообщества здесь мы найдем только 22 ссылки, которые получили 12 человек, концентрация ссылок для одного человека максимально достигала 5 ссылок (Н.В. Соколов). Во всех других случаях наличие в списке социолога из Ист-Энда обеспечивалось ссылками одного автора Вест-Энда. Цитирование же социологов СИ РАН обнаруживает более тесные связи между двумя концами сообщества: здесь 18 человек собирают 47 ссылок. Собственно, эти цитатные связи показывают, каким образом история сетевых образований в петербургской социологии нашла свое отражение в социологических текстах. Действительно, более тесные связи социологов Вест-Энда с СИ РАН отсылают к самому началу образования «западной» зоны, когда именно СИ РАН стал источником для миграции сети агентов. Хотя, как повествует дальнейшая история, новая колония порвала отношения с бывшей метрополией, все же эти части сообщества — Норт-Энд и Вест-Энд — оказываются более близкими, чем «восточная» и «западная» зоны, не имеющие почти никаких институциональных оснований для сетевых взаимодействий. Это в некоторой степени схватывается данными опроса, которые показывают, что только в Ист-Энде находятся социологи, которые не знают о существовании известной фигуры «запада» — В.В. Волкова, там же меньше всего читают его работы. В то время как разницы в чтении между социологами Вест-Энда и Норт-Энда практически не наблюдается.

### **В центрах внимания: восточный мир университетской науки**

«Восточный» мир университетской науки, охватывающий Санкт-Петербургский университет и ряд других факультетов и кафедр, является самой большой частью социологического сообщества Петербурга. Городское пространство основных социологических изданий почти наполовину занято публикациями социологов Ист-Энда, некоторые издания представляют место исключительно для университетских сотрудников (специализированные «Вестники...»). Длительное существование на карте сообщества, как и монополизация отдельного академического рынка труда вместе с самой большей сетью акторов могли бы способствовать распространению интеллектуальных авторитетов за пределами их изначального места обитания. В действительности трансляции значимости фигур за пределы одной части сообщества не произошло (рис. 2).

Список самых цитируемых социологов (табл. 5) показывает, как мало связан Ист-Энд с остальным сообществом. За несколькими исключениями, все появившиеся здесь авторы населяют восточную часть. В своем большинстве именно они принимали непосредственное участие в ее основании, если за точку отсчета мы примем деятельность

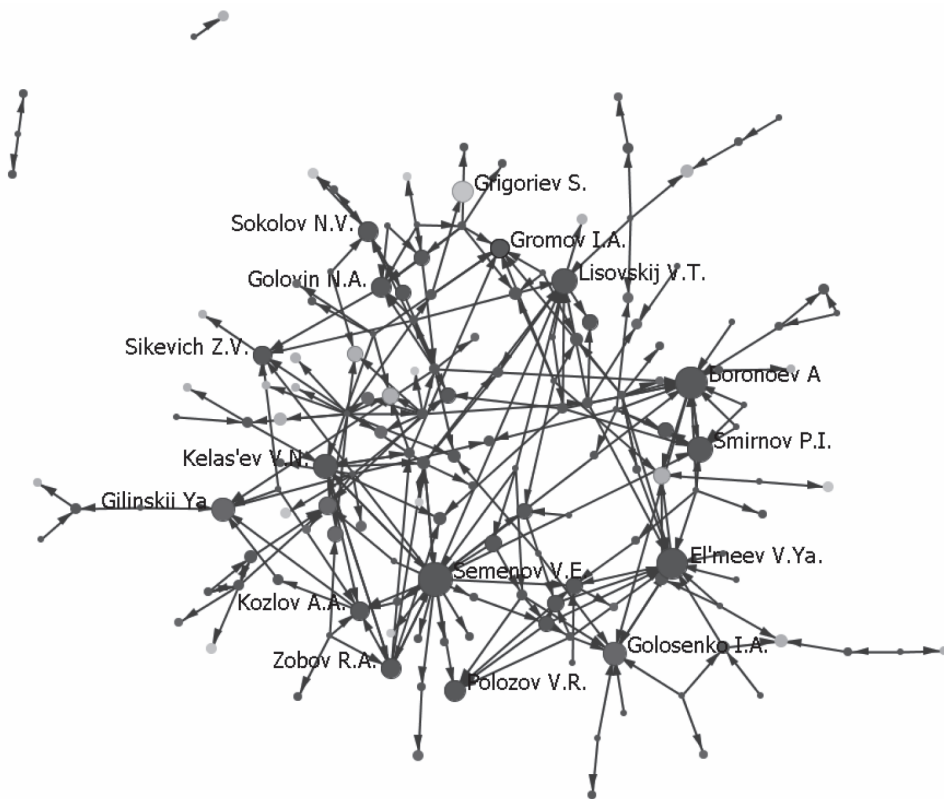


Рис. 2. Сеть цитирований социологов Ист-Энда.

НИИКСИ: в прошлом В.Е. Семенов, А.О. Бороноев, В.Е. Ельмеев, В.Т. Лисовский занимали должность директора Института, В.Н. Келасьев заведует лабораторией социальной работы. Все эти фигуры принадлежат к старшим когортам, чье занятие социологией началось много десятилетий назад. Собственно, и создание их репутации пришлось на советский период, однако статьи, на основании которых собирались данные о цитировании, относятся к недавнему прошлому петербургской социологии. Видимо, только интеллектуальные авторитеты, созданные в советском прошлом, способны собрать в Ист-Энде значимое количество ссылок.

Исключения касаются двух центральных фигур родом из Норд-Энда — Я.И. Гилинского и И.А. Голосенко. Последний известен кроме Норд-Энда преимущественно в Ист-Энде, что можно объяснить его вкладом в изучение истории русской социологии, которая стала одним из исследовательских направлений социологического факультета СПбГУ. Я.И. Гилинский является редким социологом в структуре вни-

## Список самых цитируемых социологов Ист-Энда

Ранг	Автор	Кол-во ссылок
1	В.Е. Семенов	25
2	А.О. Бороноев	23
3	В.Я. Ельмеев	21
4	<b>И.А. Голосенко</b>	19
5	В.Т. Лисовский	14
6	П.И. Смирнов	13
7	В.Н. Келасьев	12
8	<b>Я.И. Гишинский</b>	11
9	<b>С.И. Григорьев, В.Р. Полозов</b>	9
10	Н.А. Головин, Р.А. Зобов, Н.В. Соколов	8

мания петербургской социологии: интерес к его работам можно найти в каждой из частей сообщества. Полное отсутствие в списке кого-либо из Вест-Энда еще раз подтверждает, что коммуникативные разрывы в основном существуют между «восточным» и «западным» концами сообщества. В то время как некоторое совпадение в списках имен самых цитируемых авторов между «севером» и «востоком» и «севером» и «западом» все же имеет место. Кроме того, было бы неверно говорить о том, что библиографические списки мира университетской науки огорожены насквозь непроницаемыми барьерами, которые не имеет шанса преодолеть ни один из социологов других концов сообщества. Другое дело, что места для «чужих» социологов почти не предоставляются, и если в случае сотрудников СИ РАН внимание университетских преподавателей расходуеться чуть щедрее (17 человек), то даже самые известные социологи «запада» не набирают больше трех ссылок (8 человек)\*.

Обмены вниманием между университетской зоной и социологами из СИ РАН и его сателлитов имеет одно интересное свойство: на «востоке» внимание оказывается вовсе не тем социологам, которых само «северное» субсообщество почитает как признанных интеллектуальных ав-

---

\* Список упомянутых социологов, которые обитали за пределами Ист-Энда. Социологи Вест-Энда — В.В. Волков (3), С.В. Дамберг (3), Н.Е. Копосов (1), Е.А. Здравомыслова (3), А.А. Темкина (2), В.М. Воронков (1), А.В. Лисовский (1), О.В. Бычкова (1). Социологи Норд-Энда — С.А. Кугель (1), М.Е. Илле (2), Я.И. Гишинский (11), И.Н. Гурвич (1), В.А. Бачинин (2), В.Н. Павленко (1), Р.Р. Гергилов (1) М.Г. Мацкевич (1), А.А. Клецин (4), С.А. Лурье (1), А.В. Тихонов (2), А.Н. Баранов (1), Т.З. Протасенко (6), В.Г. Ревтова (2), А.Н. Алексеев (2), Б.И. Максимов (1), И.А. Голосенко (8).



торитетов. В последнем списке мы видим 13 фамилий, но лишь две из них получили по одному упоминанию в «северной» области петербургской социологии. Интересно, что самым цитируемым за пределами университетской науки социологом оказался В.И. Ильин (8 ссылок в Норд-Энде), но внимание к работам которого со стороны его более близких коллег осталось минимальным. В то же время И.А. Голосенко, достаточно известный в университетских кругах, в своей собственной части сообщества получил также меньшее количество ссылок. Если работами университетской социологии и интересуются, то это будут совсем другие имена, которые, в свою очередь, не получили поддержки от значимого большинства своего места обитания.

### **В центрах внимания: буферная зона Норд-Энда**

Анализ консенсуса вокруг самых значимых фигур мы начали с общего списка самых цитируемых авторов, где в агрегированном виде были представлены данные, релевантные для всего сообщества петербургских социологов. Собственно, такой список (табл. 6) для социологов Норд-Энда лишь немногим отличается от табл. 1. В целом первые позиции объясняются действием того же механизма, что и в случае социологов Вест-Энда, когда решающее значение имеют публикации соавторов или же плотные группы социологов, занимающихся близкой проблематикой. Если в «западной» части сотрудники ЦНСИ и выпускники Европейского университета во многом объединились вокруг гендерной проблематики, то здесь в такой роли выступил сектор социологии здоровья СИ РАН, занимающийся исследованием механизмов формирования социально обусловленных различий в здоровье. Исключение ссылок на собственные имена и соавторов делают список совершенно иным и существенно короче.

Сетевая карта Норд-Энда (рис. 3) показывает, что самые тесные связи свойственны социологам, населяющим этот конец сообщества. Характерно, что здесь мы наблюдаем связанную сеть цитирований, которая не распадается на отдельные графы, как в сетевом образовании «запада». Гораздо больше узлов сети становятся точками цитатного притяжения, но почти все они относятся к «северному» сообществу. Авторы из «чужих» частей выделены другим цветом и в своем большинстве изолированы в том смысле, что на них редко ссылаются больше одного социолога, остальные же участники сети обходят их своим вниманием. Это отражается и в количестве ссылок, которые получают в этой сети социологи за пределами самого Норд-Энда. Самое большое количество не превышает восьми ссылок — В.В. Волков (7) и В.И. Ильин (8). В большинстве же случаев социологи Вест-Энда или Ист-Энда получают сов-

сем небольшую долю цитирований\*. При этом внимание к текстам «восточных» социологов носит более разрозненный характер, когда только четыре социолога Ист-Энда из 16 всего процитированных цитировались больше, чем одним социологом Норд-Энда. В этом смысле цитирование социологов Вест-Энда более концентрированно: цитирование уже 8 человек из 12 не является делом рук единственного автора.

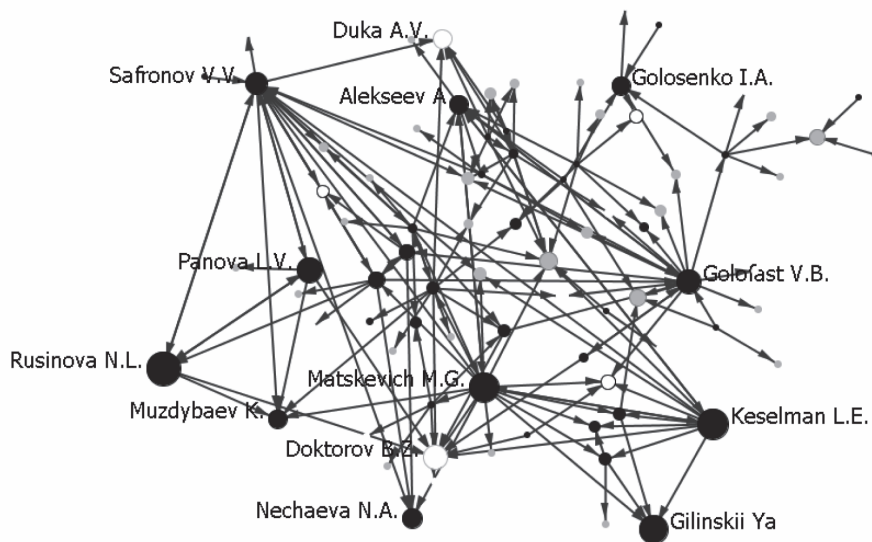


Рис. 3. Сеть цитирования социологов Норд-Энда

История сетевых образований петербургского сообщества объясняет лишь в некоторой степени характер упоминаний «чужих» социологов в текстах социологов «севера». Здесь сложно судить о том, является ли цитирование 12 социологов из «западной» части, собравших вместе 36 ссылок, достаточным, чтобы говорить о наличии сетевых связей меж-

\* Список упомянутых социологов, которые обитали за пределами Норд-Энда. Социологи Вест-Энда: И. Освальд (3), А.А. Темкина (2), А.А. Вейхер (2), Е.Ю. Герасимова (1), О.В. Бычкова (6), Н.Е. Копосов (2), В.М. Воронков (3), О.В. Карпенко (1), Н.Ю. Данилова (1), В.В. Волков (7), Е.А. Здравомыслова (4), В.Я. Гельман (4). Социологи Ист-Энда: Н.В. Соколов (1), Ю.В. Веселов (1), Д.П. Гавра (2), М.Б. Глотов (1), В.Ю. Забродин (1), З.В. Сикевич (1), В.Т. Лисовский (1), В.Я. Ельмеев (1), Д.В. Иванов (3), А. Марков (1), В.И. Дудина (1), Л.Т. Волчкова (1), В.Н. Минина (2), В.В. Василькова (1), В.И. Ильин (8).

**Список самых цитируемых социологов Норд-Энда**

Ранг	Автор	Кол-во ссылок
1	Н.Л. Русинова	35
2	Л.Е. Кесельман	29
3	М.Г. Мацкевич	26
4	Я.И. Гишинский	25
5	Б.З. Докторов, Л.В. Панова	18
6	В.Б. Голофаст	17
7	А.Н. Алексеев	14
8	В.В. Сафронов	13
9	Н.А. Нечаева	11
10	А.В. Дука	10

ду авторами из прилежащих областей. Это можно было бы предположить, учитывая, что на первом этапе именно Норд-Энд послужил источником для колоний, образовавших новые организационные формы Вест-Энда. Вместе с тем в дальнейшем, как повествует история связей институционального родства, «колония, заполнив часть пустого организационного пространства ресурсами сетей организационного каркаса СИ РАН, порывает отношения с метрополией» (М. Сафонова, см. статью в данном номере). Можем ли мы тогда констатировать, что институциональный разрыв нашел свое отражение и в текстах? Невозможность однозначно ответить на этот вопрос отражает проблему с полученными данными, которые в дифференцированном виде для каждой зоны сообщества трудно обрабатывать статистически и предлагать убедительные интерпретации.

### **Заключение**

Казалось бы, цитирование является научной практикой, которая преодолевает огромные пространства и даже время. Мы обращаемся в текстах к авторам, которые жили десятки и сотни лет назад, так же, как едва ли может иметь значение, что часть из них живет на другом континенте\*. Едва ли у нас возникнет возможность встретить их в настоящей

---

\* Вся свобода в цитировании становится очевидной, если сравнить механизм ограничения, например, с посещением семинаров или конференций. В первом случае зачастую достаточно знание иностранного языка и подписка к хорошей библиографической базе (учитывая, конечно, базовое предположение о том, что цитирование связано с чтением процитированных источников).

жизни, разве что кто-либо поместит наши фамилии в одну библиографию. В этом смысле цитирование не подразумевает значимых обязательств и может иметь место даже там, где между авторами нет ничего общего, за исключением соотносящихся определенным образом аргументов. Здесь же невидимые границы нашего локального сообщества оказались проницаемыми лишь в отдельных случаях: только немногим авторам удается с легкостью переходить из одной части сообщества в другую, что делало бы их центральными фигурами для *всего* сообщества. В действительности сопоставление первичного списка, релевантного для всей сети цитирований петербургских социологов, и списка каждой части сообщества показывает, что лишь немногие социологи являются центральными для *всей* зоны их обитания. Зачастую внимание к ним ограничивается узкой группой авторов, создающих так называемые цитатные клики, за пределами которых авторы находятся иногда в полной безвестности. Именно в таких цитатных картелях мы находим самые большие обмены ссылками. В конечном счете, даже если не предпринимать такого радикального решения, как исключение из подсчета всех ссылок коллег по институту, а ограничиться только исключением цитирования соавторов, то объемы внимания сильно сократятся, а в крайних случаях исчезнут вовсе. Это указывает на разрывы во внимании, характерные, в большей или меньшей степени, для всей сети цитирований петербургских социологов. Безусловно, едва ли стоит предполагать, что социологи способны охватить в своем цитировании каждого индивида из нашей конечной выборки, ограничение внимания — это необходимое условие для академической работы\*. Однако резервирование части библиографии зачастую для цитирования собственных работ, наличие изолированных авторов и разреженный характер цитатной сети говорит о том, что даже локальный контекст вовсе не обязательно будет производить заметные обмены вниманием в пространстве петербургской социологии.

Отсутствие консенсуса по поводу значимых фигур, когда каждая часть сообщества на первые места ставит совсем разных авторов, было

---

\* В этом смысле развитие науки можно представить и как постепенное движение к новым фильтрам, которые ограничивают научную деятельность, однако делая ее тем самым возможной. Самое первое различие, которое позволило сузить внимание, касается разделения на научное сообщество и «обычных людей», на слова которых мы имеем легитимное право не обращать никакого внимания. Когда-то именно из-за этого долгое время ученые не могли открыть существование метеоритов, т. к. все факты падения инородных тел сообщались обычными людьми, не имеющими к академии никакого отношения (Barnes 1989: 52–58).

достаточно предсказуемым. В меньшей степени мы ожидали найти отсутствие консенсуса по поводу того, кого считать «значимым» из числа социологов, обитающих в других местах. Если собственное субсообщество выдвигало на первые строчки одни фигуры, то в других местах внимание к этим авторам исчезало и взамен уделялось тем фигурам, которые могли оставаться в зоне цитатной невидимости для собственного места обитания. Например, если И.А. Голосенко даже не попадает в и тоговый список Норд-Энда, то в Ист-Энде университетской социологии набирает приличное количество ссылок. Исключением из данного принципа для всей сети служит фигура Я.И. Гилинского, появляющегося во всех трех списках, и, что более важно — за его цитированием стоит наибольшее количество социологов. Однако этим примером приходится ограничиться — скорее он показывает, каким образом должны были бы выглядеть социологи в четырех наших списках, если бы внимание не характеризовалось такой замкнутостью. Списки также показали, что «северная» часть является центральной в сравнении с двумя остальными зонами. Безусловно, в первую очередь каждая сторона цитирует ближайших коллег, но во вторую очередь и социологи Ист-Энда, и социологи Вест-Энда будут отдавать ссылки Социологическому институту РАН. В этом смысле Норд-Энд находится в буферной зоне, по краям которой располагаются две зоны, внимание которых к авторитетам друг друга минимально. Данные нами на ранних этапах исследования названия в свете всего этого представляются не совсем удачными: Север в действительности является Центром. Если что-то и позволяет говорить о «сообществе» в единственном числе, то только его присутствие. Похоже, однако, что роль общих фокусов внимания для петербургской социологии играют только некоторые социологи старшего поколения. Их уход со сцены в следующие десятилетия может окончательно изолировать зоны. Пока нет доказательств, что новым транзональным авторитетам, таким, как Вадим Волков и Владимир Ильин, удастся занять их место.

### **Литература**

*Губа К.С.* Академические репутации в печати, или Почему мы так обособлены? // Пути России: современное интеллектуальное пространство. М.: Университетская книга, 2009. С. 118–125.

*Мертон Р.* Эффект Матфея в науке II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной деятельности // THESIS. 1993. № 3. С. 256–277.

*Соколов М.* Российские социологи на международном и национальном рынке идей (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144–152.

*Baldi S.* Normative versus social constructivist processes in the allocation of citations: a network-analytic model // *American Sociological Review*. 1998. Vol. 63. Pp. 829–846.

*Barnes B.* *About science*, Oxford: Basil Blackwell, 1989.

*Cozzens S.* What do citation count? The rhetoric-first model // *Scientometrics*. 1989. Vol. 15. No. 5–6. Pp. 437–447.

*Cronin B.* Metatheorizing citation // *Scientometrics*. 1998. Vol. 43. No. 1. Pp. 45–55.

*Gilbert G.* Referencing as persuasion // *Social Studies of Science*. 1977. Vol. 7. Pp. 113–22.

*Hicks D., Potter J.* Sociology of scientific knowledge — a reflexive citation analysis or science disciplines and disciplining science? // *Social Studies of Science*. 1991. Vol. 21. Pp. 459–501.

*Franck G.* Scientific Communication: A Vanity Fair? // *Science*. 1999. No. 286. Pp. 53–55.

*Latour B.* *Science in Action*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

*Leydesdorff L.* Theories of citation? // *Scientometrics*. 1998. Vol. 43. No. 1. Pp. 5–25.

*Luukkonen T.* Why has Latour's theory of citations been ignored by the bibliometric community? Discussion of sociological interpretations of citation analysis // *Scientometrics*. 1997. Vol. 38. No. 1. Pp. 27–37.

*Merton R.* The Matthew Effect in Science: the Reward and Communication Systems of Science are Considered // *The Sociology of Science* / Ed. by N. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973a.

*Merton R.* Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // *The Sociology of Science* / Ed. by N. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973b.

*Scott J.* *Social network analysis: A handbook*. Newbury Park, CA: Sage, 1999.

*Wellman B., White H., Nazer N.* Does citation reflect social structure?: longitudinal evidence from the «Globenet» interdisciplinary research group // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2004. Vol. 55. No. 2. Pp. 111–126.